

УДК 94(517)

Гомбожапов А.Д.
Gombozhapov A.D.**Анклав номадизма:
монгольские кочевники в меняющейся современности****Enclave of nomadism: Mongolian nomads in changing modernity**

В статье анализируется современное состояние кочевничества в Монголии. Автор выделяет две тенденции в развитии традиционного хозяйства монголов: изменения, носящие адаптивный характер, и преобразования, в ходе которых наступает качественно новое состояние. Основные противоречия в развитии кочевого скотоводческого хозяйства связаны с его включением в систему рыночных товарных отношений. На основе статистических данных и полевых исследований выявлены основные социально-экономические факторы, влияющие на процесс трансформации традиционных основ системы хозяйствования монголов.

Ключевые слова: кочевники-скотоводы, кочевки, Монголия, традиционное кочевое хозяйство, модернизация



The article reviews contemporary nomadic situation in Mongolia. The author highlights two trends in the development of the Mongolian traditional economy: the changes of adaptive kind and those resulting in a breakthrough new state. The main contradictions in the development of nomadic cattle breeding are related to its inclusion into the system of market relations. Based on statistics and field studies, we defined the main socio-economic factors influencing transformation of the traditional Mongolian economy.

Key words: *Nomadic cattle-breeders, nomadic people, Mongolia, traditional nomadic economy, modernization*

Пестрота и многообразие форм развития обществ в эпоху постмодерна всё более нивелируются. В процесс трансформации и модернизации включаются, казалось бы, недоступные и всё более отдалённые уголки земного шара. На протяжении тысячелетий кочевники осваивали неблагоприятные для жизнедеятельности степные пространства. Опыт освоения засушливых степных районов выкристаллизовывался не в борьбе и подчинении природных сил, а в процессе адаптации к суровым природно-климатическим условиям. В силу объективных условий, не позволяющих ныне существующим производительным силам монгольского общества освоить их в полной мере, эти пространства монгольских степей продолжают использоваться экстенсивным способом. Условием соблюдения экологического баланса и рационального освоения этих зе-

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 15-31-01327 а2 "Кочевничество и миграции: модернизационные изменения поведения номадов Монголии")

ГОМБОЖАПОВ Александр Дмитриевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ). **E-mail:** agombozh@gmail.com

мель продолжает оставаться традиционное хозяйство с круглогодичным подножным содержанием домашнего скота.

Доля неоседлого населения в Монголии составляет существенную часть. Так, общее количество населения составляет 3058 тыс. человек, из которых на долю сельского населения приходится 962 тыс. человек [18].

Согласно данным Национального статистического управления Монголии за 2015 год, на долю сельского хозяйства приходится около 13,7% валового внутреннего продукта (из которых животноводство занимает 87,2%) [15], а 35% населения полагаются на животноводство в качестве основного источника продовольствия и доходов. Животноводческая отрасль представлена в наиболее традиционной форме – экстенсивным пастбищным скотоводством, которое определяет и поддерживает консервативность уклада и кочевой образ жизни.

Статья преследует цель обобщить результаты полевых исследований, проводившихся в течение 2015–2016 гг. на территории административных районов Селенгинского и Центрального аймаков Монголии.

Проблематика исследования состоит в изучении глубинных противоречивых явлений в кочевом обществе Монголии. Явная несовместимость традиционного хозяйства с рыночной экономикой проявляется в отсутствии объективной модели качественного роста экстенсивного кочевое хозяйства. Эффективность пастбищно-кочевой системы животноводства, по-прежнему, во многом зависит от умелого управления стадом при выпасе [7; 16]. Увеличение производительности труда в кочевой экономике имеет принципиальную ограниченность, которую не раз подчёркивали исследователи [2; 3; 4]. Кроме того, кочевая экономика сопряжена с самыми разными аспектами жизнедеятельности кочевого населения, проявлением которых являются вопросы экономического и социального характера. Многоаспектность и многоуровневый характер проблем нomaдизма требует внимательного изучения процесса трансформации традиционного образа жизни, что имеет большое теоретическое и практическое значение.

На макроуровне национальной экономики частные хозяйства, основанные на традиционном пастбищном хозяйстве, вырабатывают солидный объём товарной продукции, который не всегда находит должный спрос ни на внутреннем, ни на внешнем рынке. Достаточно сказать, что по данным статистики общее поголовье скота Монголии демонстрирует стремительный рост и насчитывает уже более 60 млн. голов [18]. В то же время экспорт животноводческой продукции остаётся стабильным.

На микроуровне индивидуального частного хозяйства противоречие заключается в том, что традиционная форма хозяйства в условиях рыночной экономики не даёт накопительной формы, приносящей устойчивый доход. Нестабильность хозяйства вследствие повторяющихся стихийных бедствий не позволяет сформулировать бездотационную инвестиционную формулу. Достаточно упомянуть, что в Центральном аймаке из 9980 домохозяйств доходы ниже прожиточного минимума имеют 4764 (47,7%). В отдельных случаях количество таких домохозяйств достигает 88% (сомон Батсумбэр Центрального аймака) [17]. Академик И. Майский ещё в 20-е годы прошлого века писал, что «монгольский бюджет не без основания может быть назван «продовольственным бюджетом», так как пища поглощает почти 70% годовых расходов семьи» [4, с. 153].

Экономический кризис и низкий уровень социального обеспечения способствует развитию нomaдизма как полунатуральной формы хозяйства, обеспечивающей нетоварное потребление населения.

Основной задачей стало выявление степени значимости социально-экономических факторов на систему ведения кочевого хозяйства. Её неотъемлемой характеристикой является подвижность. Именно измене-

ние степени подвижности или же, наоборот, седентаризация, по нашему мнению, будет ключевым моментом в понимании глубинных трансформаций традиционных основ кочевничества Монголии.

Сообразуясь с этой задачей, основной упор был сделан на получение фиксированных карт-схем кочевок (в благополучный, с точки зрения скотовода, период) с помощью GPS-навигатора. При характеристике особенностей схем кочевых маршрутов и сезонных стоянок брались данные, полученные методом интервьюирования, а также использовался материал национальной статистической службы. Всего было получено 28 карт-схем кочевых маршрутов домохозяйств Селенгинского аймака, в Центральном аймаке – 35. (**ПМА 1: Экспедиция в Селенгинский аймак Монголии. Июнь–июль 2015 г.; ПМА 2. Экспедиция в Центральный аймак Монголии. Июль 2016 г.**). Проектируя выборку, исходили из ранжированного ряда домохозяйств по количеству приходящегося скота (наименьшее значение до 100 голов скота, наибольшее – свыше 1000). Полученные данные позволяют выявить в сравнении с литературными сведениями XIX – 30-х гг. XX вв. степень влияния социально-экономических факторов на подвижность кочевых хозяйств и экстраполировать их в целом на развитие традиционного кочевничества Монголии.

Классическая пастбищно-кочевая система хозяйствования заключается в меж- и внутрисезонных перекочёвках с целью более полного использования ресурсов пастбищных угодий. Пастбища делятся на весенне-летние, осенние и зимние. В круглогодичном пастбищном кормлении скота выделяются два основных периода: летне-осенний (май-октябрь) и зимне-весенний (ноябрь-апрель). Поскольку круглогодичное подножное содержание животных не предполагает крытых навесов, то животные должны накопить достаточное количество жирового слоя именно в вегетационный период для того, чтобы благополучно пережить зимний период. Как пишет И.Ф. Шульженко, «араты считают, что нагул скота в первой половине лета является более прочным, чем в конце лета, и лучше сохраняет скот от истощения зимой. Хороший нагул скота в летне-осенний период достигается частой сменой пастбищ, обеспечением животных хорошей питьевой водой, выбором пастбищ со специфическим травостоем для отдельных видов скота, посещением солончаков верблюдами 5–7 раз в месяц и остальными видами скота не менее 3–4 раз» [9, с. 60].

Согласно И. Майскому, совершившего экспедиционные исследования по Монголии в 1919–1920 гг., система ведения кочевого хозяйства представлена следующим образом: «по мере вытравливания одного пастбищного района скот переходит на следующий, ещё не тронутый, и так постепенно передвигается в течение целого года. А вместе со скотом передвигается и его хозяин со своей юртой и всем своим несложным имуществом. Никакого планомерного регулирования этих кочевок в подавляющем большинстве хошунов нет, – всё делается по привычке, по традиции, выработанной тысячелетиями, а традиция эта предоставляет большой простор личному произволу. Единственным регулирующим моментом в деле монгольских кочёвок является передвижение хошунного князя: князь с зимнего стойбища перекочёвывал на летнее (это бывает приблизительно в мае месяце) – значит, открыт «летний сезон», и все подданные князя также передвигаются с зимовок на летник. Князь с летнего стойбища перекочевал на зимнее (что случается обычно в октябре-ноябре) – значит, «летний сезон» закончен и открыт «зимний сезон», и все подданные князя также становятся на зимовки. Однако передвижения князя не имеют абсолютного значения: монголы лишь, в общем и целом, сообразуют с ними свои движения, довольно часто бывают ис-

ключения, с которыми ни один князь не имеет ни силы, ни желания бороться. Исключение делается для зимних пастбищ. «Под влиянием экономической необходимости тут создались первичные формы сознательного регулирования хозяйственной жизни: на зимних пастбищах каждая семья имеет свой отдельный участок, на котором она и пасёт свой скот. Участки эти переходят обычно из рода в род, а в случае каких-либо осложнений в их распределении и использовании, дело решается хошунным князем» [4, с. 115].

На сегодняшний день этот взгляд на систему ведения кочевого хозяйства выглядит несколько упрощённым. Пастбищное животноводство представляет сложную динамичную систему, включающую в себя сезонные перемещения, методы выпаса, производства, переработки и т.д. В целом, выделяется несколько типов кочёвок в зависимости от природно-географических зон. Расстояние между сезонными стойбищами колеблется по разным данным от 3–4 до 30–50 км, в редких случаях достигая 100–150 км и выше [1; 8; 9]. Факторы, влияющие на перекочёвки, подразделяются на природно-географические, биологические, социально-экономические и др. К ним можно отнести: особенности ландшафта и почвенно-растительного покрова, погодные условия, гидрографию местности и величину осадков, экологическое состояние, выход солончаков, количество и структуру стада, расстояние до ближайших населённых пунктов, социальных объектов, рынков сбыта продукции, административные границы (чаще межрайонные) и т.д.

Исследование показало, что имеет место ряд значимых преобразований в схемах кочёвок домохозяйств. Основные изменения происходят в сроках и расстояниях межсезонных кочёвок, в соотношении видов скота в стаде. Результаты анализа полевых материалов показали, что сокращается количество перекочёвок, растягивается период нахождения на зимней стоянке (оволжоо), в среднем, до 5 месяцев (**ПМА 1: Экспедиция в Селенгинский аймак Монголии. Июнь–июль 2015 г.; ПМА 2: Экспедиция в Центральный аймак Монголии. Июль 2016 г.**). Вследствие чего вырабатывается привычка прикочёвывать к определённому месту из года в год. Распределение сомонной администрацией пастбищных угодий зимне-весеннего периода приводит к оформлению неизменных круглогодичных схем кочёвок [13]. На зимних стоянках возводятся долговременные жилища из кирпича или деревянного бруса – яркое свидетельство полуоседлой формы скотоводческого хозяйства. Признаками седентаризации можно также считать тенденцию к уменьшению доли мелкого рогатого скота в пользу крупного, специализацию на разведении одного вида скота, увеличение объёмов заготовки кормов. Всё большее распространение получает пастьба домашних животных с помощью мото- и автотранспортных средств. В хрупкой экосистеме это воздействие на травяной покров оказывает серьёзный вред.

Главной проблемой рассматриваемых районов является нехватка свободных пастбищ, вызванная распашкой заброшенных полей и высокой плотностью кочевнических хозяйств. В связи с принятыми правительственными программами развития сельского хозяйства «Атрын Шаян» («Целина – 3») происходит восстановление выбывших из пользования пахотных земель и их улучшение. Учитывая, что ещё 30,7% из общего фонда посевных площадей остаются не введёнными в оборот [14], то можно полагать, что ситуация будет и далее осложняться.

Кочевники вынуждены менять места сезонных пастбищ, с началом посевной кампании и на вегетационный период уводить свой скот подальше от полей, и с их учётом пролагать маршруты кочёвок. Вследствие этого, как например, в сомоне Сумбэр появляется перемена соотношений видов скота внутри стада и тенденция к специализации на

разведении животных одного вида. В то время как классический состав кочевников евразийских степей включал в себя верблюдов, овец, коз, лошадей и коров. Соотношение видов скота внутри стада распределялось следующим образом: наиболее многочисленными в стаде средневековых монголов были овцы – 50–60%. Примерно 15–20% стада составляли лошади и крупный рогатый скот. Оставшаяся часть приходилась на коз и верблюдов [5]. Согласно расчётам И. Майского, в хозяйстве средней типичной монгольской семьи, состоящей из 5 человек, находилось 3 верблюда, 14 лошадей, 13 голов рогатого скота и 90 баранов и коз [4, с. 143]. Практически идентичные данные приведены в работе И.Ф. Шульженко [9]. В процентном соотношении это несколько отличается, что в переводном коэффициенте составляет 32% мелкого рогатого скота и 58% крупного рогатого скота.

Поскольку для мелкого рогатого скота и лошадей требуются большие пастбищные пространства, то в связи с их нехваткой скотоводы вынуждены разводить другие, менее подвижные виды скота. Хотя в целом по стране наблюдается рост поголовья коз [18]. Козоводство имеет в основном товарное направление. Хотя продукцией козоводства являются молоко, мясо, шкуры и шерсть, всё же товарное значение имеет козий пух (кашемир).

Для исследуемых районов характерна высокая плотность кочевых хозяйств, вызванная притоком мигрантов из других аймаков. Воздействие рыночных механизмов привело к пространственной деформации хозяйственных связей, оформив чёткую структуру – центр-периферия.

Столица Монголии г. Улан-Батор играет ключевую роль для экономики страны, представляя огромный рынок сбыта для скотоводов. Степень вовлечённости хозяйств в товарно-денежные отношения измеряется расстоянием до этого мегаполиса. Вследствие этого одной из главных причин переезда в центральные районы является стремление приблизиться к рынкам сбыта г. Улан-Батор.

Сложность перехода к эффективной модели в рыночной экономике заключается в том, чтобы вести производство с целью получения стабильной прибыли. В этом отношении пасторальная система кочевого хозяйства не встраивается в механизмы маркетинга. Факторы мобильности, неустойчивости, зависимости хозяйств от постоянно меняющихся пастбищных ресурсов, сезонности выхода продукции и расстояния до рынков не дают возможности связать в единую цепочку кочевое хозяйство и перерабатывающую промышленность [10].

В то же время высокий уровень специализации кочевого хозяйства требует взаимодействия с рынком для приобретения товаров и удовлетворения основных потребностей. Поэтому значительная часть производимой продукции в кочевом скотоводческом хозяйстве ориентирована на обмен. Именно ориентация на рынок служит основным движущим моментом экономических и социальных преобразований в среде кочевников.

В более отдалённых аймаках домохозяйства существуют в полунатуральной форме с дисперсным размещением по территории в силу зонально-поясных особенностей, слабой связи между собой [11] и замкнутости в удовлетворении основных потребностей на своём хозяйстве.

Следствием оформившейся связи частных хозяйств с крупными рынками сбыта, сосредоточенными в крупных городах (Улан-Батор, Эрдэнэт, Дархан), стало уплотнение и сезонное скопление кочевых хозяйств на ограниченной территории. Это особо касается Центрального аймака Монголии. В летние месяцы наблюдается высокий уровень концентрации юрт вдоль основных трасс и в окрестностях Улан-Батора.

Объясняется это высоким спросом на кумыс со стороны городского населения, а также увеличением туристического потока [12].

Исследователи отмечают, что правительственные инвестиции в животноводческую отрасль остаются ограниченными или вообще отсутствуют. Скотоводы становятся всё более интегрированными в более крупные рыночные системы и поэтому нуждаются в инвестициях и специально адаптированных для них программах и стратегиях для удовлетворения растущего спроса на продукты животноводства и самообеспечения [10].

Многие обедневшие хозяйства не кочуют, а остаются на зимниках или же подаются в населённые пункты в поисках иной работы. В основном, это деятельность, не требующая высокой квалификации, связанная с сельскохозяйственным календарём: посевная, уборка урожая и охрана полей. Показательно, что данное явление находит прямые аналогии с более ранним временем. Можно привести выдержку из дневников А. М. Позднеева. Он отмечает довольно позднюю кочёвку с зимника на летник, которая происходила в конце июня. «Это была кочёвка с зимника на летник; кочёвка, конечно, очень поздняя, но здешние бедняки монголы вообще кочуют очень редко, во-первых, потому, что кочевать им, по не имению подвод, очень трудно, а во-вторых потому, что, при крайней ограниченности их скотоводства, община не стесняет их кочёвкой и, рассчитывая, что они не вытравят много травы, разрешает им проводить время даже на пойменных лугах до тех пор, пока эти луга не будут разделены на участки и сданы с аукциона отдельным личностям для сенокоса» [6, с. 7]. Но, чтобы говорить о новом качестве в процессах седентаризации, необходимо, чтобы это был кардинальный, безвозвратно идущий процесс. Кочевник, оставшийся без скота и вынужденный заниматься подёнщиной, так называемый «цагаачин», становится заметным социальным явлением.

Происходит дифференциация по уровню количества скота в домашнем хозяйстве. Успешные домохозяйства начинают концентрировать стада в количестве более 3–4 тыс. голов. Однако увеличение поголовья скота в рамках одного домохозяйства имеет свой предел. Опрошенные нами респонденты сходятся во мнении, что оптимальное количество скота не должно превышать количественного уровня в 1000–1500 голов скота, после достижения которого эффективность управления стадом падает.

По нашему мнению, в сегодняшнем развитии номадизма Монголии можно проследить две тенденции. Изменения, которые носят адаптивный характер и, в целом, не меняют основу традиционного образа жизни, и трансформирующие изменения, после которых наступает качественно новое состояние. В первом случае мы имеем дело с различными модификациями традиционной культуры. Во втором – с глубокими качественными изменениями традиционного хозяйства, превращением его в новую, товарную, форму (путь интенсификации), или же отход от кочевничества и занятие другими видами деятельности. В последнем, это неизбежно ведёт к седентаризации кочевого населения. Диапазон этих изменений лежит от чисто кочевого образа жизни до полного оседания кочевников. Процесс может быть последовательным и иметь направленность, обнаруживаясь в различной степени подвижности или же сопровождаться резкой сменой деятельности (как пример, приток мигрантов в Улан-Батор с целью поиска работы).

Спрос на продукцию животноводства – это важный модулятор, который задаёт направление и параметры преобразований традиционного хозяйства кочевников Монголии. Другие факторы, в том числе не зависящие от человека (падёж скота вследствие стихийных бедствий), несут в себе заряд принципиальных изменений, выражающихся в но-

вообразовании и трансформации кочевого образа жизни. Интенсификация модернизационных процессов превращает кочевничество в анклав традиционной культуры, вытесняемый на периферию.

Изучение аспектов трансформационных изменений представляет, прежде всего, фундаментальный научный интерес. Понимание особенностей преобразований в традиционной культуре кочевников дополняет наше знание о динамике общественных процессов.



Литература

1. Батнасан Г. Некоторые особенности перехода к осёдлому образу жизни в Монгольской Народной Республике // Советская этнография. 1977. № 2. С. 68–76.
2. Беннигсен А.П. Несколько данных о современной Монголии. Петербург, 1912. 103 с.
3. Имшенецкий Б.И. Монголия. Петроград, 1915. 40 с.
4. Майский И. Современная Монголия. Отчёт Монгольской экспедиции, снаряжённой Иркутской конторой Всероссийского центрального союза потребительных обществ «Центросоюз». Иркутск, 1921. 460 с.
5. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература. 2006. 558 с.
6. Позднеев А.М. Монголия и монголы. Результат поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. Т. 1. СПб. 1896. 696 с.
7. Сельскохозяйственная экология / Н.А. Уразаев, А.А. Вакулин, А.В. Никитин и др. М.: Колос, 2000. 304 с.
8. Симукон А.Д. Труды о Монголии и для Монголии. Т. 1. Государственный музей этнологии. Осака, 2007. 976 с.
9. Шульженко И.Ф. Животноводство Монгольской Народной Республики. Отчёт Монгольской сельскохозяйственной экспедиции АН СССР 1947–1952 гг. Вып. 5. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. 235 с.
10. Marin A. Between cash cows and golden calves: adaptations of Mongolian pastoralism in the «Age of the market» // Nomadic Peoples Vol. 12. 2008. № 2. Pp. 75–101.
11. Sneath D. Social relations, networks and social organization in post-socialist rural Mongolia // Nomadic Peoples. 1993. № 33. Pp. 193–207.
12. Tserenpurev B., Baasandai E., Masato S., Takahiro O. and Yuki M. Who is making airag (fermented mare's milk)? A nationwide survey of traditional food in Mongolia // Nomadic Peoples. Vol. 19. 2015. № 1. Pp. 7–29.
13. Humphrey C., Sneath D. The End of Nomadism?: Society, State, and the Environment in Inner Asia (Central Asia Book Series). Duke University Press. 1999. 368 p.
14. Газар тариалангийн салбарын танилцуулга // Хүнс, хөдөө аж ахуй, хөнгөн үйлдвэрийн яам [Электронный ресурс]. URL: <http://mofa.gov.mn/exp/blog/8/69> (дата обращения: 14.04.2017 г.).
15. Мал аж ахуйн гаралтай бүтээгдэхүүний үйлдвэрлэл // Хүнс, хөдөө аж ахуй, хөнгөн үйлдвэрийн яам [Электронный ресурс]. URL: <http://mofa.gov.mn/exp/blog/7/3> (дата обращения: 14.04.2017 г.).
16. Мал аж ахуйн ундэс (суурийн малчны сурах бичиг) / Улсын хэвлэлийн газар. Улаанбаатар, 1970. 342 х.
17. Малчин орхийн ядуурлыг хэмжих асуудал / Тов аймагийн статистикийн

хэлтэс. Зуун мод, 2015. 17 х.

18. Монгол улсын статистикийн эмхэтгэл. Mongolian Statistical Yearbook. 2015. Улаанбаатар, 2016.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Batnasan G. Nekotorye osobennosti perekhoda k osyodlomu obrazu zhizni v Mongol'skoj Narodnoj Respublike // Sovetskaya etnografiya. 1977. № 2. S. 68–76.

2. Bennigsen A.P. Neskol'ko dannyx o sovremennoj Mongolii. Peterburg, 1912. 103 s.

3. Imshenetskij B.I. Mongoliya. Petrograd, 1915. 40 s.

4. Majskij I. Sovremennaya Mongoliya. Otchyot Mongol'skoj ehkspeditsii, snaryazhyonnoj Irkutskoj kontoroy Vserossijskogo tsentral'nogo soyuza potrebitel'nykh obshhestv «TSentrosoyuz». Irkutsk, 1921. 460 s.

5. Kradin N.N., Skrynnikova T.D. Imperiya CHingis-khana. M.: Vostochnaya literatura. 2006. 558 s.

6. Pozdneev A.M. Mongoliya i mongoly. Rezul'tat poezdki v Mongoliyu, ispolnennoj v 1892–1893 gg. T. 1. SPb. 1896. 696 s.

7. Sel'skokhozyajstvennaya ehkologiya / N.A. Urazaev, A.A. Vakulin, A.V. Nikitin i dr. M.: Kolos, 2000. 304 s.

8. Simukov A.D. Trudy o Mongolii i dlya Mongolii. T. 1. Gosudarstvennyj muzej etnologii. Osaka, 2007. 976 s.

9. SHul'zhenko I.F. ZHivotnovodstvo Mongol'skoj Narodnoj Respubliki. Otchyot Mongol'skoj sel'skokhozyajstvennoj ehkspeditsii AN SSSR 1947–1952 gg. Вып. 5. M.-L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1954. 235 s.

10. Marin A. Between cash cows and golden calves: adaptations of Mongolian pastoralism in the «Age of the market» // Nomadic Peoples Vol. 12. 2008. № 2. Pp. 75–101.

11. Sneath D. Social relations, networks and social organization in post-socialist rural Mongolia // Nomadic Peoples. 1993. № 33. Pp. 193–207.

12. Tserenpurev B., Baasandai E., Masato S., Takahiro O. and Yuki M. Who is making airag (fermented mare's milk)? A nationwide survey of traditional food in Mongolia // Nomadic Peoples. Vol. 19. 2015. № 1. Pp. 7–29.

13. Humphrey C., Sneath D. The End of Nomadism?: Society, State, and the Environment in Inner Asia (Central Asia Book Series). Duke University Press. 1999. 368 p.

14. Gazar tarialangijn salbarын taniltsuulга // KHүнс, khөdөө азh akhuj, khөngөн үjldvehrijн yaam [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://mofa.gov.mn/exp/blog/8/69> (data obrashheniya: 14.04.2017 g.).

15. Mal азh akhujн garaltaj бүtehegdehkhүүнij үjldvehrlehl // KHүнс, khөdөө азh akhuj, khөngөн үjldvehrijн yaam [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://mofa.gov.mn/exp/blog/7/3> (data obrashheniya: 14.04.2017 g.).

16. Mal азh akhujн undehs (suurijn malchны surakh bichig) / Ulsyn khehvlehljin gazar. Ulaanbaatar, 1970. 342 kh.

17. Malchin orkhijn yaduurylg khehmzhikh asuudal / Tov ajmagijn statistikijn khehltehs. Zuun мод, 2015. 17 kh.

18. Mongol улсын статистикийн еhmкhehtgehl. Mongolian Statistical Yearbook. 2015. Улаанбаатар, 2016.